

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
БОЖЬЕ ДЕРЕВО	10
НЕОДУШЕВЛЁННЫЙ ВРАГ	21
РАССКАЗ О МЁРТВОМ СТАРИКЕ	35
ОДУХОТВОРЁННЫЕ ЛЮДИ.....	49
СЕДЬМОЙ ЧЕЛОВЕК.....	99
ИВАН ТОЛОКНО — ТРУЖЕНИК ВОЙНЫ.....	114
ОБОРОНА СЕМИДВОРЬЯ.....	130
ВЕРНОЕ СЕРДЦЕ	179
ДОМАШНИЙ ОЧАГ	186
ГОЛУБЬ И ГОРЛЕНКА	194
ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ.....	198
РАЗМЫШЛЕНИЯ ОФИЦЕРА	209
СРЕДИ НАРОДА	224
ИВАН ВЕЛИКИЙ	240
ДОБРАЯ КОРОВА.....	250
ОФИЦЕР И СОЛДАТ	266
НА ГОРЫНЬ-РЕКЕ.....	283
АФРОДИТА	296

«ЧЕЛЮСТЬ ДРАКОНА»	330
ШТУРМ ЛАБИРИНТА	352
ПОЛОТНЯНАЯ РУБАХА.....	375
ВОЗВРАЩЕНИЕ.....	385
ЖИТЕЙСКОЕ ДЕЛО.....	419
ПУСТОДУШИЕ.....	446
ЖИТЕЛЬ РОДНОГО ГОРОДА	459

Предисловие

Андрей Платонов сегодня хорошо известен отечественному читателю. Роман «Чевенгур», повести «Котлован», «Ювенильное море», «Епифанские шлюзы», «Сокровенный человек», «Ямская слобода», рассказы «Река Потудань», «Третий сын», «Июльская гроза», «В прекрасном и яростном мире», «Фро» и другие произведения давно стали классикой русской и мировой литературы. Но путь в литературе, как и весь жизненный путь Андрея Платонова, был нелёгким. Выдающийся художник слова, незаурядный мыслитель, неутомимый труженик, беззаветно преданный своей Родине, был долгое время практически неизвестен широкому читателю в своей стране. И только в 60 — 70-х годах подвижническими стараниями литературоведов началось серьёзное изучение писателя, который уже в конце 80-х — начале 90-х начал занимать достойное место в нашей культуре.

Военная страница в творчестве Андрея Платонова особая. Будучи военным корреспондентом,

том «Красной звезды», он, по его собственным словам, находился «внутри войны, а не снаружи её», то есть воочию был участником и очевидцем героического подвига русского советского народа в годы Великой Отечественной войны. Уже в июле 1941 года он был командирован на Ленинградский фронт и в дальнейшем проходил дорогами войны с частями Калининского, Центрального, Западного, Украинского, Белорусского фронтов, был свидетелем форсирования Днепра, освобождения Украины и Белоруссии, Курской битвы.

Война заставляет пересмотреть многие ценности и установки, характерные для довоенного времени. Открывается вдруг новый, ранее неведомый пласт бытия, поражающий своей жестокостью и нечеловечностью, но одновременно раскрывающий высочайшие нравственные свойства человека, которые в мирной жизни не всегда проявляются в такой полноте. Хотя, как хорошо известно, место для подвига есть всегда.

Платонов был настолько сильно затронут войной, её трагическим масштабом, вселенским уровнем народного горя, проявлениями нечеловеческого зла фашизма, беспримерным мужеством и героизмом русского солдата, что создал в этот хронологически последний период своей писательской жизни наиболее выдающиеся творения. Нельзя, конечно, сказать, что это совершенно новый взгляд на жизнь, открывшийся Платонову во время войны. Но если прислушаться к одному из первых исследователей писателя, заложивших основы изучения его творчества, — Льву Шубину, то, как он говорит, у Платонова «чёткие итоговые

формулы сложились только в середине 40-х годов».

Военная проза Платонова, включающая рассказы, очерки, письма, заметки в записных книжках — это произведения, написанные одновременно большим русским писателем, военным корреспондентом, глубоким философом и русским человеком, который, прежде всего, сердечно откликнулся на событие войны. Но это не просто военная проза в привычном смысле слова, это философская проза о войне, в которой не только описываются грандиозные и героические события, представленные в батальных сценах, но и ставятся непростые вопросы о природе войны, её смысле, о смерти на войне, о материнском горе, о смысле и ценности жизни человека, о будущей мирной и счастливой жизни русского народа, претерпевшего величайшие страдания в эти страшные и холодные годы войны. И в то же время о невероятной близости людей, которые стали родными на войне. Родными навсегда.

И поэтому военное творчество Платонова — это одновременно и шедевр военной прозы, и выдающаяся философия войны, в которой дано осмысление тех, как принято говорить, проклятых вопросов жизни, которые в условиях Великой Отечественной войны приобрели невыносимо предельный уровень откровенности и боли. Это особенно важно сегодня, когда стало очевидно, что война — это не какой-то драматический эпизод, по завершении которого люди, вкусившие такого горя, уже никогда не возьмутся за оружие; что всемирно-историческое зло фашизма вновь подняло свою голову, и что извечная враждебность Запада

по отношению к России приобрела сегодня конкретный характер военной агрессии.

Представленные в этом сборнике рассказы дают исчерпывающее представление и о творческом методе писателя, и о его мировоззрении в этот период, и о его нравственно-патриотической позиции, которая во время войны достигла высот. Такие рассказы, как «Божье дерево», «Неодушвлённый враг», «Одухотворённые люди», «Иван Толокно — труженик войны», «Оборона Семидворья», «Взыскание погибших», «Пустодушие», «Афродита», «Штурм лабиринта», «Возвращение», «Житель родного города» и др. являются нетленными свидетельствами о Великой Отечественной войне, без которых её летопись будет неполной. Написанные удивительным языком, они способны погрузить в такие ситуации, в которых реализм войны становится столь близким и достоверным, что читатель воочию узревает правду войны и тем самым правду жизни.

Среди различных тем и вопросов, которые волновали Платонова, когда он погрузился в недра войны, самым важным был вопрос о русском советском солдате, которому и посвящены лучшие страницы его произведений. Это одновременно и герой, показавший высочайшие образцы мужества, смелости, и самоотдачи, и великий труженик, воспринимающий войну как трудное, но важное и необходимое дело, такое же, как пахота, вождение паровоза или работа у станка. *«Мы уж к войне, как к пахоте, привыкли»*, — говорит один из его героев. Увидев русского солдата в действии, Платонов настолько поразился его высочайшим нрав-

ственным свойствам, что произнёс в письме своей жене слова, которые можно считать эталоном отношения к русскому воину: «*Русский солдат для меня святыня*».

Этот завет Платонова, который сейчас, в дни 80-летия Великой Победы и в дни, когда война снова посетила наше Отечество, особенно значим. Без высокого пафоса, военные рассказы Платонова учат подлинной любви к Родине, показывают лучшие нравственные качества русского солдата как русского человека, который остаётся одним и тем же и на полях Великой Отечественной войны, и сегодня, на полях специальной военной операции.

БОЖЬЕ ДЕРЕВО

Мать с ним попрощалась на околице; дальше Степан Трофимов пошел один. Там, при выходе из деревни, у края просёлочной дороги, которая, зачавшись во ржи, уходила отсюда на весь свет, — там росло одинокое старое дерево, покрытое синими листьями, влажными и блестящими от молодой своей силы. Старые люди на деревне давно прозвали это дерево «божьим», потому что оно было не похоже на другие деревья, растущие в русской равнине, потому что его не однажды на его стариковском веку убивала молния с неба, но дерево, занемогши немного, потом опять оживало и ещё гуще прежнего одевалось листьями и потому ещё, что это дерево любили птицы. Они пели там и жили, и дерево это в летнюю сушь не сбрасывало на землю своих детей — лишние увядшие листья, а замирало всё целиком, ничем не жертвуя, ни с кем не расставаясь, что выросло на нём и было живым.

Степан сорвал один лист с этого божьего дерева, положил его за пазуху и пошёл на войну. Лист был мал и влажен, но на теле человека он отогрел-

ся, прижился и стал неощутимым, и Степан Трофимов вскоре забыл про него.

Отойдя немного, Степан оглянулся на родную деревню. Мать ещё стояла у ворот и глядела сыну вослед; она прощалась с ним в своём сердце, но ни слёз не утирала с лица и не махала рукой, она стояла неподвижно. Степан тоже постоял неподвижно на дороге, в последний раз и надолго запоминая мать, какая она есть — маленькая, старая, усохшая, любящая его больше всего на свете; пусть хотя бы пройдёт целый век, она всё равно будет его ждать и не поверит в его смерть, если он погибнет.

«Потерпи немного, — произнёс ей сын в своей мысли, — я скоро вернусь, тогда мы не будем расставаться».

Старая мать осталась одна вдалеке — у ворот избы за рожью, чтобы ждать сына обратно домой и томиться по нём, а сын ушёл. Издали он ещё раз обернулся, но увидел только рожь, которая клонилась и покорялась под ветром, избы же деревни и маленькая мать скрылись за далью земли, и грустно стало в мире без них.

Степан Трофимов был обученный, запасной красноармеец. Два года тому назад он отслужил свой срок в армии и ещё не забыл, как нужно стрелять из винтовки. Поэтому он недолго побыл в районном городе и с очередным воинским эшелоном был отправлен воевать с врагом на фронт.

На фронте было пустое поле, истоптанное до последней былинки, и тишина. Трофимов и его соседние товарищи отрыли себе ямки в земле и легли в них, а винтовки незаметно, чуть-чуть высунули наружу, ожидая навстречу неприятеля.

Позади пустого поля рос мелкий лес, с листвою, опалённой огнём пожара и стрельбы. Там, наверно, таился враг и молча глядел оттуда в сторону Трофимова. У Трофимова стало томиться сердце; он хотел поскорее увидеть своего врага — того тайного человека, который пришёл сюда, в эту тихую землю, чтобы убить сначала его, потом его мать и пройти дальше до конца света, чтобы всюду стало пусто и враг остался один на земле.

«Кто это — человек — или другое что? — думал Степан Трофимов о своём неприятеле. — Сейчас увижу его!» И красноармеец глядел в своё поле, далёкое от его дома, но знакомое, как родное, и похожее на всю землю, где живут и пахут хлеб крестьяне. А теперь эта земля была пуста и безродна — что жило на ней, то умерло под железом и солдатским сапогом и более не поднялось расти.

«Полежи и отдохни, — говорил пустой земле красноармеец Трофимов, — после войны я сюда по обету приду, я тебя запомню и всю тебя сызнова вспашу и ты опять рожать начнёшь; не скучай, ты не мёртвая».

Из тёмного горелого мелколесья, на той стороне поля, вспыхнул краткий свет выстрела. «Не стерпел, — сказал Трофимов о стрелявшем враге, — лучше б ты сейчас потерпел стрелять, а то потом терпеть тебе долго придётся — помрёшь от нас и соскучишься».

Командир ещё загодя сказал красноармейцам, чтоб они не стреляли, пока он им не прикажет, и Трофимов лежал молча.

Немцы постреляли ещё, но вскоре умолкли, и снова стало тихо, как в мирное время. В поле